

КОММУНИКАТИВНОЕ ОПРАВДАНИЕ ГРАММАТИКИ. К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ УСЛОВНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Смыслообразование, ради которого порождается естественный вербальный факт, получает объяснение только через коммуникативное действие, посредством которого говорящий (пишущий) добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. Из субъектности любого вербального факта следует, что элементы вербального процесса сами по себе нетождественны; описываемый грамматикой язык (безличный, бессмысленный и внеакциональный) в качестве метафоры неэффективен для объяснения коммуникативного смыслообразования; говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные коммуникативные действия, а не вербальные формулы (элементы структуры «языка»). На фоне поглощения языка и грамматики коммуникативной следует признать мнемотехническую и лингводидактическую ценность грамматики.

А.В. ВДОВИЧЕНКО

anlvdo@mail.ru

д-р филол. наук,
ведущий научный сотрудник
сектора теоретического
языкознания
Института языкознания РАН,
профессор Православного
Свято-Тихоновского
гуманитарного университета
Москва, Россия

Ключевые слова:

*грамматика,
коммуникация,
естественный
вербальный процесс,
мнемотехника,
лингводидактика*

Вчера и сегодня коллеги в своих выступлениях затронули различные важные аспекты грамматики. Смысл нашего доклада состоит в том, чтобы в конечном счете все сказанное способствовало оправданию грамматики перед неумолимым лицом естественной коммуникации.

Почему оправдание и почему статус грамматики как будто подвергается сомнению? Разве грамматика не заслужила неприкосновенности и почтения *honoris causa*?

Здесь, с нашей точки зрения, имеет место подлинный драматизм, вызванный новыми условиями существования науки о языке, которые сложились за последнее столетие, в особенности за последние полвека. Этот драматизм тем острее, что речь идет не о театральном, а о реальном сюжете.

Кратко коллизию, которую мы имеем в виду, можно выразить так: *наука о языке постепенно поглощается наукой о коммуникации*. А вместе с наукой о языке поглощается и грамматика.

Как это происходит? Каковы основания этого процесса?

Свойством и непременным атрибутом любого естественного вербального материала является *смыслообразование*.

Говорящий (пишущий) утруждает себя построением вербальной последовательности только ради того, чтобы осуществить воздействие в мыслимом коммуникативном пространстве. Вне коммуникации вербальный материал не существует в естественной форме. Вне говорящего естественного вербального материала быть не может.

Попытки установления значения слова или иного вербального элемента бесперспективны до тех пор, пока не будет констатировано конкретное действие, произведенное кем-то, где-то, в каких-то условиях, с определенными целями и пр.

Смысл сказанного – в сознании того, кто осуществил действие и кто интерпретирует данное конкретное действие, моделируя процессы

в чужом сознании на основании собственных возможностей представить это действие. Важно отметить, что смысл сказанного не имеет прямого отношения к мысли – гораздо более объемному и комплексному феномену, чем следующее за ним коммуникативное воздействие. В момент говорения (письма) размышление говорящего состоит в том, чтобы осуществить нужные говорящему (пишущему) изменения в сознании адресата. Планируемое воздействие – не то же самое, что его невербализованный внутренний процесс.

Различие между мыслью и планируемым воздействием иллюстративно представляет случай лжи, когда коммуникант, имея в сознании одно положение дел, пытается представить сознанию адресата иное, добиваясь тем самым свои целей. Зазор между мыслью и действием коммуниканта в данной ситуации особенно очевиден.

Когда же коммуникант говорит «правду», теоретическая диспозиция мысли и действия от этого не меняется: говорящий (пишущий) по-прежнему сперва параметрирует коммуникативное пространство, принимает решение, производить ли какое-то воздействие на адресата, и если да, то каким способом, а потом оказывает искомое влияние – оперирует с сознанием адресата, интерпретируя его, адресата, когнитивное состояние, изменяющееся (готовое измениться) в результате такого воздействия. Если в результате внутреннего размышления коммуникант принимает решение не действовать в данном коммуникативном пространстве вообще, то следует констатировать наличие мысли, но отсутствие какого-либо знакового процесса (коммуникации), где и локализуется смыслообразование вербального факта. Подобным образом процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль) – не одно и то же.

Иными словами, *смыслообразование* в естественном вербальном процессе – *исключительно коммуникативный феномен*, который возникает только в процессе акционального (перформативного, «совершительного», действительного) выхода за пределы сознания в коммуникативное пространство.

Здесь, на ясно очерченной границе между внутренней мыслью и коммуникативным по природе смыслообразованием, становится заметным различие между естественным и неестественным вербальным материалом. Так, примером искусственного материала может служить высказывание *Куда ты идешь?*, взятое вне конкретной коммуникативной ситуации и ее момента. В этой вербальной последовательности нет смыслообразования, которое наступает в момент взаимодействия говорящего и адресата. В естественных условиях этот материал входит в состав

многофакторной системы координат, констатированных говорящим для совершения конкретного действия, и только в этой системе координат данный вербальный комплекс приобретает актуальность, ради которой и был произнесен. Только в этой системе вербальный комплекс становится тождественно интерпретируемым.

Подобным же образом вербальная часть уже существующего («отыгранного») коммуникативного действия, изъятая из актуальных условий совершения действия, лишается своих подлинных свойств, главное из которых – способность к смыслообразованию. Представим себе естественное высказывание, которым мы начали свое выступление и которое было понято в актуальных условиях, изъятых из этих актуальных условий: *Мне очень дорого, что в выступлениях коллег (вчера и сегодня) были в различной мере затронуты идеи, которые и я считаю важными.*

Здесь ни одно из актуальных для говорящего значений не содержится в вербальной форме. Чтобы «означить» пустые формы, говорящему и слушающему необходимы конкретно мыслимые параметры, не присутствующие в самой вербальной форме: не ясно, кому *дорого*, какие *выступления*, кто *коллеги*, по отношению к чему *вчера и сегодня* и т.д.

Поэтому интерпретация смысла сказанного по необходимости представляет собой восхождение к когнитивному состоянию того, кто произвел данное действие в многофакторной ситуации. И только такие вербальные данные – коммуникативные и акциональные – могут считаться естественными, обладающими полной реальности.

На фоне этих естественных условий существования вербального факта следует констатировать три очень важных следствия для грамматики.

Во-первых, элементы вербального процесса сами по себе *не тождественны*, их невозможно изучать. Они не существуют вне говорящего, который дает им возможность принимать участие в смыслообразовании на его, говорящего, условиях.

Во-вторых, традиционно описываемый грамматикой язык (если воспринимать его как систему смыслопорождающего говорения) *неэффективен как метафора*. В новых теоретических условиях (когда действие становится главным объектом, и порождение смысла в вербальном факте локализуется в коммуникативной ситуации) понятие «язык» становится непригодным для моделирования естественного вербального процесса, в котором главное – исполнение личной коммуникативной задачи, коммуникативное смыслопорождение. В языке нет деятеля, нет адресата, нет тождественной закрепленной между означающим и означаемым связи (между прочим, означаемого в принципе не может быть вне индивидуального сознания, поскольку означаемое представляет собой не денотат «вещь

в себе», а некий образ или понятие, локализованное в сознании). Источником мысли, эмоции, чувства является только индивидуальное сознание. Объекты не формируются независимо от сознания, связи (причинно-следственные, пространственные, временные и пр.) не строятся сами собой. Причинность – довольно произвольное соположение двух выделенных (интересующих говорящего) объектов (явлений).

Всего этого язык не может производить сам, он принципиально на это не способен. В нем с полной очевидностью отсутствует мысль и все прочее, имеющее отношение к смыслопорождению, поскольку в нем принципиально нет личности, которая является источником любого смыслообразования.

И наконец, в-третьих, следует констатировать, что *говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные коммуникативные действия*, а не вербальные формулы (элементы структуры языка). Источником нетождественности и изменчивости вербальных клише как раз и является то обстоятельство, что коммуникант, производящий коммуникативное смыслообразование, сосредоточен на действии, а не на соблюдении единообразных правил употребления слов. Правила и коммуникативное смыслообразование в некотором смысле антагонистичны: коммуниканту необходимо добиться изменений в сознании адресата, внести что-то новое в коммуникативное пространство, а язык, существующий по правилам, «всегда говорит нам одно и то же», как всерьез утверждал Витгенштейн [3: 168]. В действительности «одно и то же» в принципе не интересует коммуниканта, который берет на себя труд что-то сказать (написать): зачем в таком случае говорить, если в результате удастся лишь произнести то, что уже сказано не один раз кем-то и где-то, в том числе им самим? Чтобы продемонстрировать знание правил? Конечно, нет. В реальности говорящий говорит не языком («одно и то же»), а добивается изменений в мыслимом коммуникативном пространстве. Он как бы строит шалаш из подручных средств, которые сами по себе его не интересуют. Осуществляемый им процесс семиозиса настолько многофакторный, что «правила употребления слов» просто растворяются в коммуникативном синтаксисе. Так, даже слово *я* в устах говорящего может означать любую из коммуникативных позиций, в том числе *ты, он, она, мы* и т.д. Коммуникант пускает в ход все, что ему доступно: вербальные клише, визуальные образы, таблицы и схемы, модуляции голоса, невербальные знаки, неожиданные фреймы, созданные объекты, измененные формы слов, новые фокусировки и прочее, лишь бы искомое воздействие было произведено. В этих условиях теоретический конструкт «язык» уже не может сохранять прежний статус

автономного «средства общения», поскольку общение осуществляется не словами, а комплексными коммуникативными действиями. Соответственно, грамматика, которая пытается навязать правила работы словесного «механизма», вместе с языком мутирует в какое-то новое состояние.

Здесь важно отметить, что грамматика (как описание правил употребления вербальных единиц) рождается из «плененности» теории инструментальной метафорой языка. Не заметив, что коммуникация (в том числе с участием вербального канала) – феномен многофакторный, теоретик со времен античности стремился навязать словам всю палитру коммуникативных смыслов, порождаемых совсем не словами.

В качестве примера приведем несколько проблем, которые упоминались вчера и сегодня. В их основании, с нашей точки зрения, лежит та самая «плененность» метафорой языка.

Как мы воспринимаем речь, в которой некоторые элементы опущены?

Порождается и понимается не речь, а коммуникативное действие. Если его смысл можно воссоздать по невербальным параметрам, слова можно вообще не говорить или оставить часть из них непроизнесенными, или воссоздать по коммуникативному контексту. Говорящему и слушающему необходимо несловесное содержание действия, а не вербальный антураж. Так, в желании попросить открыть окно нет слов. Можно добиться этого, воспользовавшись в соответствующей ситуации жестом. Можно частично жестом, частично словом. Можно только словом (вербальным клише). Содержание коммуникативного действия от этого не изменится.

Различие орфографии и фонологии

Орфография служит только для моделирования вербальной части коммуникативного действия. Написание *Барысава* (белорус.) или *Борисово* (рус.) имеет исключительно инструментальное значение для воссоздания фонетического облика вербального клише (или намек на его фонетический облик, хранящийся в сознании участника лингвокультурного коллектива).

Различие письменного и бесписьменного русских языков

Условные языки в данном случае представляют различные модусы коммуникации со всеми вытекающими особенностями коммуникативных действий в их рамках.

Изменения в предметном облике элементов языка (ослабление флексий и пр.)

Говорящему глубоко безразлична номенклатура понятий, которой пользуются лингвисты.

А лингвист не отстает от говорящего ни на шаг. Если же отстанет, то приходится переписывать словари и грамматики, говорить об идиолектах, индивидуальном использовании языка, языке Интернета, языке Андрея Платонова и т.д. В общем, «выкручиваться» из ситуации, созданной концепцией языка, в том числе говорить об изменениях языка.

Оппозиция узус vs норма

Норма исключительно узуальна. Понятие о ней (если кому-то оно вдруг оказалось необходимым) приурочено к данному коммуникативному действию в данных условиях. Два интернет-пользователя в чате уже создают условия, достаточные для «локальной» нормализации каких-то вербальных феноменов.

Дискурсивная обусловленность грамматики

Дискурсивные практики (в том числе с использованием вербального канала), поглощая язык, поглощают и грамматику. Дискурс – осознанная ситуация коммуникативного действия, что гораздо шире вербального «грамматического» текста и контекста.

Стилевое расщепление языка

Понятие «стиль» представляет собой одну из попыток компромисса между желанием представить язык как единообразную систему правил и невозможностью естественных коммуникативных данных в нее вписаться. Нарастающее количество расщеплений, постигающих язык в реальной, а не сконструированной на рабочем столе ситуации, переходит в качество: вдоль и поперек расщепленный язык не способен быть целостным теоретическим объектом.

Грамматика языка как единые правила дорожного движения

Пустые вербальные формы всякий раз наполняются новым содержанием в новых коммуникативных условиях. Они находятся под постоянным давлением новых коммуникативных действий и коммуникативного смыслообразования. Нет необходимости беречь старые мехи для наполнения новым вином. Если же пытаться это делать, то они рано или поздно все равно прорвутся. Сами по себе они никому не нужны. Важно содержимое.

Источник знания о русском языке от преподавателей РКИ

Преподаватели РКИ находятся на переднем рубеже сражения за грамматику, поскольку иностранным студентам, в отличие от русскоязычных носителей, грамматика русского языка действительно нужна. Правда, в большинстве

случаев речь идет о построении приблизительных корреляций между вербальным компонентом инокультурных коммуникативных действий (родных для студентов) и русских. Эти корреляции строятся на основе коммуникативной типологии, а не соответствия между элементами строевого уровня (слов, морфем и пр.). В результате возникают актуальные варианты «русской грамматики для китайцев», «русской грамматики для англичан» и пр.

Русский язык в сознании носителей или в текстах?

Поскольку русский язык как система правил неизвестен никому (а вместо него реальному носителю известна коммуникативная типология – вариативная и приуроченная к знакомым ему сферам коммуникации), следует считать русский язык, как и любой другой, конструктом, или теоретической моделью, применимой или не применимой в каких-то практиках и других теоретических моделях. Сознание носителей и производимые ими тексты дают материал для создания этого конструкта. При этом было бы преувеличением считать языком то, что в действительности знает и как в действительности действует реальный говорящий (пишущий).

Грамматика прескриптивная и описательная

Грамматика не может быть прескриптивной ввиду свободы коммуникативной деятельности. Сам факт того, что грамматические нормы бегут вслед за узусом, а тот по своей коммуникативной природе грамматику не замечает, говорит о тщетности каких бы то ни было прескрипций со стороны лингвистов. Атрибут «прескриптивная» следует, скорее, заменить на «возможная».

Множество «языков» в пределах одного языка, градация источников языка по признаку естественности

Все коммуникативные действия принципиально едины (естественны) в своих константах: действующий коммуникант, мыслимое воздействие, способ воздействия, параметры действия, интерпретация когнитивного состояния коммуниканта и пр. Неправомерное выдвигание на передний план вербальной составляющей («способ воздействия»), наделение ее собственными валентностями заставляет констатировать формально-содержательные различия вербальных элементов, и как следствие, множественность языков как систем этих элементов. Это лишь подтверждает неэффективность понятия *язык*: говорящий (пишущий) не может знать столько обособленных языков. Теоретически неэффективно давать объяснение естественного вербального процесса (в котором понимаются

коммуникативные действия, а не вербальных формулы) на основе неопределенного бесконечного множества языков. Рассуждение о «множестве языков в пределах одного языка» лишь подтверждает теоретическую девальвацию самого понятия *язык*.

Язык необходим как средство конституирования нации, ее идентичности

Если язык представляет собой набор пустых несамостоятельных форм (ввиду безличности, бессмысленности и бессодержательности) и если эту пустоту способно заполнить только индивидуальное сознание – источник смыслов, содержания, значения, эмоций, ценностей (которое параметрирует коммуникативное пространство, определяет адресатов, создает объекты, формирует классы и виды, вводит критерии назначения множеств, строит связи, фокусирует внимание и пр.), приписывание нации некой идентичности на основании пустых форм не вполне корректно. «Носители русского языка» настолько различны между собой, насколько отличны значения единообразного по форме *я* в актуальной коммуникации: ни один словарь русского языка, как ни странно, не даст подлинного значения для этого фонетического комплекса, абсолютно пустого и бессмысленного самого по себе. Рассуждения о единстве нации на основании «общего языка» обыкновенно используются в практической риторике политиков для воздействия на наивное сознание.

Комплексность (полиmodalность) использования языка

Скорее, нужно говорить о комплексных (полиmodalных, многофакторных) коммуникативных действиях (практиках коммуникативного семиозиса), из которых исследователи пытаются выделить автономный вербальный механизм (инструмент), называя его языком. С первых опытов осмысления вербального процесса этот инструмент признается существующим по умолчанию. Однако для объяснения смыслообразования (главного и основного атрибута коммуникативного действия, производимого с использованием вербального канала) пустой внесубъектный «язык» теряет свою эффективность в современных теоретических условиях.

Итак, главные симптомы драматической коллизии, о которой я говорил, состоят в том, что:

- элементы вербального процесса сами по себе нетождественны,
- описываемый грамматикой язык в качестве метафоры неэффективен для объяснения смыслообразования,
- говорящие (пишущие) порождают и понимают актуальные *коммуникативные*

действия, а не вербальные формулы (элементы структуры языка).

Эти теоретические позиции стали постепенно проникать в теорию естественного вербального процесса после того, как в XX в. на горизонте лингвистики возник новый объект, гораздо более целостный и определенный, чем слово, – коммуникативное действие. Этот факт уже повлек и влечет за собой столько последствий, что грамматика не может оставаться в своем прежнем статусе.

Первые попытки описать коммуникативное действие были слишком словесные, или слишком языковые, слишком грамматичные. Остин пытался определить, какие конкретные глаголы и фразы являются перформативами («совершительными высказываниями»), а какие не являются, и даже составить список перформативных глаголов [4: 66, 82]. Потом оказалось, что все высказывания в их естественном состоянии являются действиями [5: 152]. Более того, совершительными оказываются и невербальные коммуникативные действия. И при этом любые действия, независимо от канала, всегда являются комплексными, помещенными в конкретные условия совершения, исходящими из личного когнитивного состояния, благодаря которым с языком приходится расставаться как с неэффективным теоретическим конструктом [1: 379]. Это размывает границы грамматики, построенной на априорном признании целостности и единообразия словесного механизма. Этот механизм никто не знает и не нуждается в нем. Он никого не интересует сам по себе. Он не имеет дела с подлинным смыслообразованием. Наоборот, сосредоточенность коммуниканта на исполнении коммуникативных задач, а не на самих вербальных клише, является главным фактором постоянной нестабильности грамматики (и словаря). Оперативный арсенал говорящего (пишущего) составляет типологическое знание вербальных клише в ситуациях коммуникативного действия, или типология коммуникативных синтагм, которые усваиваются ребенком при овладении родным языком и затем нарастают по мере расширения коммуникативного опыта в различных сферах. В ходе интеракций порождаются и интерпретируются не обобщенные грамматические сущности, а конкретные помысленные данным говорящим (пишущим) и данным адресатом значения; производятся и понимаются не грамматикализованные в сознании коммуникантов вербальные комплексы, а личные коммуникативные действия (которые можно реализовать зачастую и без слов, или другими словами, на других языках, в условиях смешения языков, комбинирования каналов коммуникации и пр.).

Что же делать в этих условиях с грамматикой любого языка? Как вписать это понятие в коммуникативную и одновременно акциональную (а другой в принципе не может быть) модель естественного вербального процесса? Какое место отвести грамматике в описании этого процесса?

По-видимому, в общей модели естественной вербальной коммуникации, в условиях поглощения языка коммуникацией, у грамматики не остается прежней роли первого плана.

Зато – и в этом состоит *оправдание грамматики* – создание грамматического описания имеет исключительно важное *утилитарное* значение. По сути она исполняет незаменимую роль «переходника», упрощая для носителя переход с привычной для него коммуникативной типологии на другую, чуждую или неизвестную ему доподлинно. В построении корреляций между вербальными элементами соответствующих коммуникативных действий реализуется подлинная *лингводидактическая* и *мнемотехническая* ценность грамматики. Можно изобретать любые схемы систематизации вербального материала, лишь бы они были практически оправданы. Чем больше мнемотехнических схем для систематизации и овладения чуждой коммуникативной типологией в проекции на свою, тем лучше. Чем больше объем коммуникативно-типологических единиц, усваиваемых на занятиях чужой грамматикой, тем лучше. Этим, собственно, и заняты преподаватели РКИ, по необходимости коллекционирующие, детализирующие и уточняющие коммуникативные (не просто словесные) контексты и вербальные действия в них.

Кроме того, для грамматики всегда остается ничем не заменимая роль в глубоко условной, но культурно значимой *практике письма* на родном языке. Чтобы не писать по-русски весьма логичные с точки зрения фонетики [варота], [сат], [акно] и в нужном месте ставить запятые, необходимо усвоить комплекс русских грамматических правил. Если известны условности, эти правила, существенно облегчают восхождение от письменного текста к первичной естественной форме авторского действия – устному произнесению слов в составе коммуникативной (дискурсивной) синтагмы.

Важно отметить, что никакой онтологической ценности в грамматике нет. Если уж говорить о ценности, то вся аксиология и деонтология локализована в свободном личном коммуникативном действии, источник которого (индивидуальное сознание) в принципе невербален.

Признание лингодидактической и мнемотехнической сущности грамматики устанавливает необходимые *пределы условности* ее восприятия как инструмента лингвистического описания. Напротив, забвение условного статуса

грамматики (или онтологизация языка, понимаемого как грамматика и словарь автономно и безусловно) приводит к вольным или невольным попыткам мнемотехнической схемы (грамматики) узурпировать приоритет естественного коммуникативного процесса, дать некорректную трактовку аутентичной коммуникации.

Так происходит в случае интерпретации статуса текстов, составляющих корпус Септуагинты и Нового Завета [2]. Очевидно, что в формировании доминирующей на сегодняшний день тенденции рассматривать грекоязычный библейский текст как семитизированный и ненормализованный главную роль сыграла «языковая», антично-соссюрианская точка отсчета (она же структурно-грамматическая парадигма описания вербального факта).

Базовые позиции *структурно-грамматического подхода*, выступающие в библейских лингвистических исследованиях как априорные данности, можно обобщить как мыслимые во взаимосвязи нижеуказанных позиций: 1) предметность («телесность») понимания феноменов вербальной коммуникации, 2) логический и количественный принцип анализа ее феноменов, 3) системность предметного элемента вербальной коммуникации. В существующих рассуждениях о лингвистической природе текстов «новозаветного койнэ» данные позиции, интегрированные в существующую описательную схему, в обобщенном виде проявляют себя следующим образом.

Предметность понимания материала следует из очевидного факта: естественный коммуникативный процесс представляется интерпретатору в виде написанных и/или произносимых «слов», составляющих тексты. Из очевидного и несомненного объекта следует естественная ориентированность процедуры описания на вербальную составляющую текста (предметный элемент). Здесь логико-количественный принцип требует искать и находить именно в словах, их частях и их комбинациях кванты естественного вербального процесса (или монады элементарного смысла, единицы измерения общей словесной суммы). Поскольку, согласно требованиям этой описательной модели, в самой вербальной предметности содержится смысл, воспринимаемый всеми говорящими (пишущими) в конкретном сообществе, данный констатируемый набор единиц не может не представляться исследователю упорядоченной системой, правильно работающим механизмом смысловыражения, соссюровским «языком». Этот язык оказывается в случае библейских текстов испорченным, малограмотным, деформированным, а его авторы – людьми с Востока, попытавшимися написать на языке, которого не знали.

Между тем для сторонника коммуникативной модели реальный процесс порождения и восприятия вербальных действий (в том числе в письменных текстах) однозначно указывает на необходимость выйти за пределы вербальной «телесности», вербальной системности и существующего «точного» метода описания вербальных фактов, построенного на античном принципе «знак—значение». В естественной коммуникации слова никогда не произносятся (не пишутся) вне мыслимых ситуаций их употребления (коммуникативных синтагм). Вербальные элементы неразрывно связаны с мыслимыми обстоятельствами их произнесения (написания) и не могут быть интерпретированы вне индивидуально мыслимых условий говорения (написания). Более того, в естественной ситуации говорения (письма) «говорятся» и понимаются не слова, а личные комплексные коммуникативные действия. Вербальные элементы не обладают тождеством вне мыслимой ситуации коммуникативного действия, не могут иметь собственных значений и смыслов вне говорящего, который является единственным обладателем мысли и единственным источником смыслообразования. Поскольку тексты

не пишут сами себя, а также их не пишет «язык», интерпретация любого актуального высказывания представляет собой восхождение к индивидуальным когнитивным процессам автора высказывания, совершившего данное коммуникативное действие, или предпринимаемую интерпретатором попытку отождествить себя с автором, действующим посредством высказывания, на основании всех имеющихся у интерпретатора когнитивных возможностей и способностей. Единицы безличного «языка», нетождественные и бессмысленные вне говорящего (т.е. традиционный материал античной и соссюрианской лингвистики), дают недостаточно твердую почву для адекватного моделирования реального процесса устной или письменной вербальной коммуникации.

Применение коммуникативной (дискурсивной) модели к грекоязычным библейским текстам позволяет констатировать, что для представителей грекоговорящей иудейской диаспоры они были вполне традиционными, архаизирующими, нормативными, подобно литургическим церковнославянским текстам для представителей современного сообщества православных верующих. ■

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00560 «Лингвистические практики религиозных сообществ: эллинистический иудаизм, раннее христианство, русскоязычное православие»

ЛИТЕРАТУРА

1. Вдовиченко А.В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008.
2. Вдовиченко А.В. Концепция Ф. де Соссюра в интерпретации специфики новозаветного текста // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2012. Вып. 30.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М., 1994. Ч. 2.
4. Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. В.П. Руднева. М., 1999.
5. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.

A.V. Vdovichenko

COMMUNICATIVE JUSTIFICATION OF GRAMMAR. TO THE PROBLEM OF LIMITS OF CONDITIONALITY IN GRAMMATICAL DESCRIPTION

Grammar, communication, natural verbal process, mnemonic, language didactics.

Sense-generation (which is *causa finalis* of any natural verbal fact) can be explained only by the concept of communicative action which speaker (writer) performs to obtain changes in imaginable communicative space. The consequences of subjectivity of any verbal fact are the following: elements of verbal process are not identical in themselves; the impersonal and senseless language described by grammar is not effective as a metaphor for explaining communicative sense-generation; speaker (writer) produces and understands actual communicative actions, but not verbal formulas (elements of structure of “language”). While language and grammar are absorbed by communication, it is necessary to recognize the mnemonic and language didactic value of grammar.